

славянской азбуки, называет их еретиками и в «Проскинитарии» не пропускает случая сказать что-либо компрометирующее греческую церковь. Пишет, например, что родосский митрополит перешел в магометанство, «погурчился», или рисует такую картинку церковной жизни: иерусалимский патриарх на вечерне велел дьякону бить арапа-христианина по щекам и голове, потом плетью по лицу и из церкви выбил, «а неизвестно, за какую вину».⁵⁹

Лукьянов идет еще дальше в отрицательном изображении греков. «Что мошенники, — пишет он, — по вся годы к Москве-то человек по тридцати волочатся за милостынею, да им на Москве-то отводят места хорошие да корм государев ... Приехав к Москве, мошенники плачут пред государем, пред властями и пред боярами: от турка насилием отягчены! А мы сами видели, что им насилия ни в чем нет, и в вере ни в чем. Все лгут на турка ... А когда к Москве приедут, так в таких рясах худых таскаются, будто студа нет». «Греки нам, — говорит Лукьянов, обобщая свои впечатления, — тошнее турок стали».⁶⁰

Отрицательное мнение Суханова о греческом духовенстве вызвало скептическое отношение к «чуду», посредством которого оно действовало на толпу, — к сошествию небесного огня на гроб господень в субботу перед пасхою, описываемому игуменом Даниилом с эмоциональностью и образностью. В «хождении» Гагары небесному огню придается значение божественного свидетельства о прощении грешника: Гагара подносит небесный огонь к бороде три раза, и ни один волосок не загорелся.

В Москве после путешествия Суханова возникли сомнения насчет этого «чуда», и в 1654 г. московское правительство поручило сербскому митрополиту Михаилу пообстоятельнее узнать о нем в самой Палестине. Вернувшись, митрополит рассказал, что он хотел своими глазами видеть «чудо» и войти в гробницу вместе с заместителем патриарха, но его не пустили турки, потому что турецкие власти, получавшие большие доходы от паломников, собиравшихся в Иерусалим ко дню пасхи, энергично охраняли «чудо» греческого духовенства от любопытных.

Василий Позняков также рассказывает, что «виницейский» игумен «Внифантей», как он переделал имя Бонифаций, намеревался войти в гробницу прежде патриарха, но синайские старцы «ухватиша его и не даша ему внити в гробницу».⁶¹

О таком же эпизоде рассказывает Суханов. Перед гробницею «мало не раздрались с питропом»⁶² армяне и копты, когда туда не пустили армянского патриарха. Перед явлением небесного огня — передает он — к иерусалимскому патриарху «пришел турчин, честной человек (т. е. почетный, официальный), и с ним другой, обычный (т. е. частный человек), и, мало посидев, патриарх дал им, неведомо посколку, ефимков. Они же взем пошли во гроб Христов с греческими старцы и погасили во гробе все паникадила, горевшие с маслом, и, вышедши вон, затворили палатку, что пред гробом Христовым, и запечатали».⁶³ Так Суханов раскрывает причину поддержки, которую безвозмездно турецкие власти оказывали грекам в сохранении тайны сошествия небесного огня.

Вероисповедный момент преобладает в отношениях русских паломников

⁵⁹ Проскинитарий Арсения Суханова, под ред. Н. И. Ивановского — Православный Палестинский сборник т. VII, 3, кн. 21, стр. 65—66

⁶⁰ Русский архив. М., 1863, вып. 2, стр. 120—121

⁶¹ Хождение купца Василия Познякова с предисловием Х. М. Лопарева — Православный Палестинский сборник, т. VI, 3, кн. 18, стр. 40

⁶² Эпитроп — уполномоченный, заместитель патриарха.

⁶³ Православный Палестинский сборник, т. VII, 3, кн. 21, стр. 85